

СОДЕРЖАНИЕ

Нет на свете дорожке земли

Отчее место	6
Старый Чкаловск	7
Там, где бакены волжской волной	8
Где Волга несла свои воды привольно	8
Воскресенская гора	9
Наш Чкалов	10
Когда утихнут голоса и звуки	11
В день Победы	12
Как страшно мне, родная Русь!	13
Везде запустения признаки	14
Пока жив	15
И пусть все будет так, как будет	15
В увольнение	16
Расставанье	16
Круговерть суеты	17
Страна Поэзия	18
Я - поэт районного масштаба	19
И месяц нет стихов, и два	19
Стихи не пишутся	19
Чтобы кдруг другу	20
Памяти Сергея Жукова	21
Памяти художника-пушкиниста Виктора Березина	22
На круги своя	23
Молитва	24
Не знаю я, во сне ли это было	24
Хоть и волна была невелика	25
Отцвели в садах деревья дружно	26
Разноцветные тонкие нити	26
Иди, гляди на небе синь	27
Подождите меня хоронить	27
Нить жизни, как гитарная струна	28

Продлись, продлись очарованье...

Уж сколько раз я рисовал	30
--------------------------	----

Ручей бормочет в глубине оврага	30
Вот покрасневшиеся мальчики	31
Робка, по-девичьи стыдлива	31
Весна	32
Уже апрель не за горами	33
Настало время таянья снегов	33
Все в порядке	34
Весенний лес – он весь, как праздник	34
Апрель	35
Вечернего леса покой, благодать	36
Потянуло прохладой с полей	36
За забором	37
Ветер	38
Начало дождя	38
Закат	39
Букварь в то лето мама мне купила	39
Сумрачный бор вековой	40
Всем елкам в лапы свечки раздавая	40
Каждым скрипом стареньких ворот	41
Незабудок голубые брызги	41
Повернулся вьюнок	41
Стоит июнь, верхушка года	42
Хронометр далекой кукушки	42
С утра заладил нудный дождик	43
Мама	44
К вечеру	44
Прямые сосны огненными залпами	45
Вот иду по полевой дороге	45
Тишина	46
Дорога	47
В заводи стоит, как неживая	47
Гонимое ветром июньским сухим	48
Не спится	48
Явилась осень в одночасье	49
Осеннее	49
Осень	50
Холмы	51
Далеко до всамледишной стужи	51
Холмы	52

Снег о голые сучья колюче шуршал	53
Воспоминание	54
Хороводы	54
Снегурочка	55
Зимушка	55
Веней мироздания	56
Набросок	57
Дождь третий день идет без пересаду	57
Был основным для меня	57
Две дороги	58
Облака	59
Холода	60
Черемуха	61

Верлибры

Утро	63
Фантазия творца	64
Пробуждение	66
Шаги	68
Стайка синиц	69
Ветер, ветер и снег	70
Мираж	72
Из детства	73
Верлибр	74
Галлюцинация	75
«Болеро» Равеля (концерт для барабана с оркестром)	79

Обо всем понемногу, всерьез и не очень

Об ушедшем	84
Мечты	85
В Нижнем – лето	86
За Вяткой	87
Сон	87
Про цыган	88
Про китайцев	89
Про зайцев	89
Про двери	90
Про курильщиков	91

Восточные басни	91
В столице	92
Разговор с музеем	93
Муки творчества	94
Сонет без сюжета	95
Облака (почти по Маяковскому)	96
Интервью	97
Про любовь	97
Я не рожден баскетболистом	98
Молодой и франтоватый	98
Диоген	99
Папарацци	100
Вор	101
Не тот	101
Куда ж нам плыть?	102
Бессонница	103
Полночь. Тихо в городишке	103
Виденье	104

*НЕПНА СВЕТІЕ
ДОРОЖЕ ЗЕМЛИ*

Отчее место

Как же мне не любить этот город
И простой василевский народ,
Если с детства знаком здесь и дорог
Каждой улицы поворот!

Этот край, это отчее место -
Нет на свете дороже земли.
Здесь прошло босоногое детство,
Возмужанья дороги прошли.

В пору радости, в пору невзгоды
Душу грел мне родной окоем.
Чередой прошедшие годы -
Неразменное счастье мое.

Малой родины вечного зова
Все слова я пронес сквозь года.
Чкаловск - древнее Василево -
Стал судьбою моей навсегда.

Старый Чкаловск

Василево, старый Чкаловск,
В прошлом древнее село,
Ты всегда мне вспоминалось
По-сыновнему тепло.

Память детства, старый Чкаловск,
Ты - во мне, и я - с тобой...
Волга к берегу ласкалась
Набегающей волной.

Василево, старый Чкаловск.
Бас затонского гудка.
По-над Волгой расплескалась
Неба синяя река.

Солнце в небе улыбалось,
Как в счастливом добром сне.
Волга, пристань, старый Чкаловск,
До сих пор вы снитесь мне.

Нет, душа не расплескала
Добрый свет далеких дней.
Как мираж, как Китеж, Чкаловск
Брежит в памяти моей.

* * *

Там, где бакены волжской волной
Убаюкивало и качало,
Рукотворного моря прибой
Да бетонная стенка причала.

Под удары тяжелые волн,
Посвист ветра, унылый и долгий
Вспоминается старый затон
И рабочий поселок на Волге.

Было здесь Василево село,
Волгарей жило вольное племя.
Будто волжским песком занесло
То, теперь уж далекое время.

Успокойся ты, море, уймись!
Что ты волны свои расплескало?
Зародилась здесь новая жизнь,
Вырос город по имени Чкаловск.

* * *

Где Волга несла свои воды привольно,
Там пресного моря шумит оком.
Посмотришь на море - и вспомнишь
невольно
О годах былых, про былое житье.
И смутно забрезжит сквозь мглу и сквозь
волны
Как сон, затонувшее детство мое.

Воскресенская гора

Воскресенская гора.
Здесь березы стоят вековые.
Как красива их кора!
Помнят эти деревья иные
Времена, помнят лица другие.
И другая им снится пора.

Воскресенская гора.
Знала годы она непростые,
Боль гонений и утрат.
Люди рушили храмы святые.
Это - горькая память России,
Это - дьявола злая игра.

Сруб часовни над горой
Негасимую свечкой сияет,
Древне-русской красотой
Всех приветливо лаской встречает.
Это память о прошлом святая.
Вот и ты здесь в раздумье постой.

Воскресенская гора.
То ли с радостью, то ли с бедою,
То ли вечером, то ли с утра
Я пройду здесь знакомой тропою,
Боль, тревогу свою успокою,
И уйдет из души мишура.

Наш Чкалов

Ты любил родное Василево
Так, как любят Родину и мать.
Здесь - истоки мужества большого,
Здесь - твоей земли родимой пядь.

Здесь, у Волги, детство проходило,
Волга вместо матери была.
Волга силой тело напоила
И мечту крылатую дала.

Жизнь учила, жизнь порой бивала,
Только прям и верен был твой путь.
И мечта покоя не давала:
«Эх, вокруг бы шарика махнуть!».

Пролетев над северными льдами,
Ты в бессмертье совершил вираж.
И встречала Родина цветами
Летчиков отважных экипаж.

Легендарный, краснокрылый сокол,
Ты в село родное прилетал,
Запросто по-василевски «окал»,
Вновь у Волги силы обретал.

Позабыв про славу, про известность,
Собирал друзей под отчий кров,
Иль бродил с ружьем по перелескам,
Удил рыбу возле островов.

И сегодня - снова Чкалов дома,
Грудь открыв приволжским ветеркам,

Бронзовый, но близкий и знакомый,
Ты пришел наовсе к землякам.

В неба синь нацелив взгляд свой
гордый,
И расставив ноги широко,
Ты на мрамор пьедестала твердо
Встал навек над Волгою рекой.

16 августа 1981г.

* * *

Когда утихнут голоса и звуки,
И солнышко не так уже печет,
И вечер ласковую дружескую руку
Положит мне тихонько на плечо,

От дум о прошлом никуда не деться,
И ноги сами поспешат опять
К тем улочкам, где о прошедшем детстве
Так хорошо и грустно вспоминать.

И кажется, что жизнь была недлинной,
Но не вернуть минувших лет и дней,
И я бреду по улицам старинным,
Как по далекой юности своей.

Места, где все гурьбою собирались,
Припоминаю я за шагом шаг.
Вот тот овраг, где с горки мы катались -
Все вроде так, и вроде все не так.

В овраге был ручей, я точно знаю,
И почему зарос он так, овраг?
И вечер мне как друг напоминает -
Уж сколько лет прошло с тех пор, чудак?

Пожалуй, ты и прав, дружище вечер, -
Воды и впрямь немало утекло!
И мы идем, обнявшись с ним за плечи,
И нам вдвоем отрадно и тепло.

В день Победы

Шагает по земле весна,
Она проснулась рано.
С утра наденут ордена
Седые ветераны.

Нарциссы яркие горят,
Как ордена Победы.
В боях за Курск и Сталинград,
Не удостоившись наград,
Легли отцы и деды.

Деньки весенние пришли
Негаданно, неожиданно.
Как кровь погибших, из земли
Ко Дню Победы расцвели
Багряные тюльпаны.

Так вспомним мертвых и живых,
А мертвых - их без счета...
Ведь до сих пор останки их
Лежат в сырых болотах.

Война, пусть краешком крыла,
И нас с тобой задела.
Не оттого ли голова
Так рано поседела?

Мальцами были мы тогда,
Но помнятся воочью Т
ех зим жестоких холода,
Как черным вороном беда
Кружила днем и ночью.

Пусть кто-то плакал. Но не ныл!
Хоть тусклым было небо.
И будто пряник сладким был Кусок ржаного
хлеба.

...Шагает по земле весна,
Она пришла так рано.
Цветами рдеют ордена
Последних ветеранов!...

* * *

Как страшно мне, родная Русь!
Везде христопродавцы, воры.
Везде, куда ни оглянусь.
Твои загажены просторы.

Как больно мне, родная Русь!
И не видать покуда силы,
Чтоб расплодившуюся гнусь,
Как сорную траву скосила.

О, Русь! Храни тебя Господь!
И пусть Он вразумит заблудших.
И силы даст, чтоб побороть
Всю гнусь, и дней дожидаться лучших.

* * *

Везде запустения признаки,
След горестных, горьких примет.
Крестьянские избы, как призраки
Безвременья нынешних лет.

Поруган, нарушен в беспамятстве
Всей жизни извечный уклад.
И в солнечный день, будто в замяти
Без веры бредем наугад.

Грибные места вспоминаются,
Отрадного лета деньки.
Там нынче нога запинается
Обуреполом да пеньки.

Бурьяном заросшие пажити,
Без пахаря страждут поля.
И как же ты нынче изгажена
Российская наша земля!

Пока жив

Как ошалелые летят, летят недели.
И этой круговерти не унять.
Еще вчера был вроде понедельник,
А уж сегодня пятница опять.

И так вся жизнь пройдет в одно мгновенье,
И ничего-то в ней не разобрать.
Вы собрались отметить день рожденья,
А завтра - хватъ - приспичит умирать.

И из того, чем жил, не доведется
Ну ничего-то взять туда с собой,
Но жив пока, покуда сердце бьется
И поле сей, и даже песню пой.

* * *

И пусть все будет так, как будет,
С начала, с чистого листа,
И пусть нас всех Господь рассудит
И все расставит на места.

Утратив облик человека,
Всю жизнь стяжает толстосум,
Не знает нравственный калека,
Что не купить талант и ум.

Пускай кривляется невежда,
А ты самим собою будь,
С любовью, с верою, с надеждой
И с Богом, с Богом - в добрый путь!

В увольнении

Отпущен солдат в увольнение,
У моря гуляет солдат.
Он волн наблюдает движение,
Внимает, как чайки кричат.

Пустынно на пляже в апреле.
Безлюдно. Нет даже парней.
Лежат кое-где, побелели,
Останки каких-то корней.

Стеклянки разбитых бутылок.
Окурки и пробки не в счет.
А солнце в открытый затылок
Уже ощутимо печет.

Расстегнутый китель. Фуражка
С блестящей кокардой в руке.
И ноги печатают тяжело
Узоры на влажном песке.

Расставанье

Четко в срок отвалил пароход,
Ты осталась одна на причале.
Только волны стучали о борт,
Только чайки печально кричали.

Показалась чужою река,
Надвигалась чернильная туча.
Уж такая судьба речника -
Расставаний извечная участь.

Ничего не успели сказать
В расставания час неминуемый.
На щеке заблестела слеза -
Это ветер был злой и колючий.

* * *

Круговерть суеты,
И торговки под старым каштаном
Разложили цветы,
Буйством красок прохожих дразня,
Я как будто бы там,
В этом мире забытом и странном,
Где кружит суета,
И как будто бы нет там меня.

Затрезвонит трамвай,
Завизжит на крутом повороте,
И людишки спешат,
Как в старинном кино мельтеша.
«Ну, живее давай!» -
Окликает старуха кого-то,
А кого - угадай.
Может быть, вон того малыша.

И вращается жизнь
В круге первом наземного ада,
Вот и ты мельтеши,
Поспешай, не дремли, торопись!
Но со дна, из души:
«Спешить-то как раз и не надо,
Видишь эти глаза?
Посмотри, посмотри, оглянись!»

Средь облезлых афиш,
Среди автомобильного смрада,
Где с карнизов и крыш
Мутно-желтые льются дожди.
Этот взгляд в никуда,
Эта пропасть крошечная взгляда!...
В зыбких снах сквозь года
Ты все с той же тоскою глядишь...

Страна Поэзия

Города видал, объездил веси я -
Были и такие времена! -
Только есть одна страна Поэзия,
Самая мне близкая страна.

Ну, и что же, что совсем немного я
Сотворить в стране той самой смог,
Пусть тропинкой шел, а не дорогою,
Да и путь не шибко был далек.

Слаб был голос и наивен часто стих,
Не был в вожаках да наверху, -
Все же рад я и такой причастности
К русскому державному стиху.

* * *

*Мой дар убог, и голос мой не
громок...*

Е.А.Баратынский

Я - поэт районного масштаба.
Мой талант - чего уж там! - убог...
Голос был совсем негромким, слабым.
Что роптать? Уж как отмерил Бог!

Но зато без выкрутас и спеси,
Как Господь на душу положил,
Славил я леса, поля и веси,
Местность, где родился, вырос, жил.

Не искал ни славы, ни почета,
Не стяжал ни денег, ни наград.
Пел тогда, когда была охота.
Пел о том, чему всегда был рад.

* * *

И месяц нет стихов, и два.
Взять ручку в руки даже неохота.
Но, наконец, накопятся слова
И - на страничку этого блокнота.

* * *

Стихи не пишутся...
Не пишутся - не надо!
Им, значит, время

Не пришло пока.
Для них достаточно
Случайной встречи, взгляда
Или еще какого пустяка.

Пока что нет душевного движенья
И ты его, не торопясь,
Дождись,
Чтобы слова простого
Предложенья
В особенный порядок
Улеглись.

* * *

Чтобы друг к другу
Подогнать как надо
В строке стиха
Кирпичики-слова,
Ты засучи
По локоть рукава,
Вообрази
Работу печеклада.

В его труде
Обыденном слились
Терпенье, мастерство
И вдохновенье.
И ты такой же
Линии держись,
Чтоб удалось
Твое стихотворенье.

Памяти Сергея Жукова

Внезапно, безжалостно жаляще,
Приходят печальные вести.
Уходят из жизни товарищи,
Как юности нашей песни.

Уходят из жизни романтики.
Беспесенность - бесчеловечна.
И в саване, будто в мантии,
Из одиночества - в вечность.

Нет времени, и пространства нет.
В безвременье жить неохота.
Уходят в небесное странствие
Последние Дон Кихоты.

Средь лжи, бессердечья и подлости
Возможно ли жить, не мучась?
Сознания тупой безысходности
Им выпала горькая участь.

И падают от усталости,
Не в силах снести это бремя,
Им в сердце стреляет без жалости
Жестокое, страшное время.

Как трав придорожных дыхание,
Загадочные и простые,
Дал Бог им талант и призвание -
За что же ты так их, Россия?

Внезапно, безжалостно жаляще,
Приходят печальные вести -
Уходят из жизни товарищи,
Оставив нам лучшие песни.

Памяти художника-пушкиниста Виктора Березина

Судьба давала часто в поддых,
До ранних доведя седин.
Но был тебе во всех невзгодах
Опорой Пушкин. Он один.

Земные блага презирая,
От тупости людской страдал.
И свечкой восковой сгорая,
На все невзгоды невзирая,
Свой образ Пушкина создал.

Вот он: свеча пред ним пылает,
В себя он смотрит, не на нас.
И кажется, что мысль живая
В слова оденется сейчас.

Он то задумчивый, то грустный,
Твой Пушкин. Им одним ты жил.
Ты на святой алтарь искусства
И жизнь, и душу положил.

На круги своя

Храмы рушит, веру рушит
Изверг-лиходей.
Только светят свечи в душах
У святых людей.

И горят неугасимо
По святой Руси
Свечи зримо и незримо -
Их не погасить.

В эту темень свечка веры,
Как в ночи маяк.
И опять вернулось время
На круги своя.

Восстают из тлена храмы
Всем смертям назло.
И над Русью, будто пламя,
Свет их куполов.

Произволом не нарушить
Связь веков, времен.
И опять плывет над Русью
Колокольный звон!...

Молитва

Душой, греховною, как прежде,
Прошу смиренно - вновь и вновь.
Даруй мне, Господи, надежду,
Пошли мне к ближнему любовь.

Пусть буду я лошадкой серой,
Словес хвалебных - не хочу.
Даруй мне, Боже, только веру
Да крест по моему плечу.

Ушли соблазны и смятенья,
Души движения - тихи.
Прости мне, Господи, грехи,
Пошли надежду на спасенье.

* * *

Не знаю я, во сне ли это было
Иль наяву - свет ослепил меня,
И всю судьбу так ясно осветило,
Всю целиком - от буквы "а" до"я".

За краткую минуту озаренья
Промчалась жизнь от пункта "а" до"я".
Успех и грех, паденья, восхожденья
Привиделись, как подлинная явь.

Все повороты жизненной дороги,
Мгновенья счастья, пасмурные дни,
Дни полные печали и тревоги -
Все в памяти воскресли в миг они.

И как решение шахматной задачи
Компьютер за секунду выдает,
Так все мои удачи-неудачи
Воссоздались в мозгу за ходом ход.

Увидел я досадные просчеты -
В руках удача, кажется, быда! -
Увидел, как судьба на поворотах
От злой беды счастливо отвела.

Да не судьба, а ангел мой хранитель
Не дал пропасть и сгинуть на пути.
Твой промысел, Создатель и Спаситель,
Помог Тобой же данный крест нести.

* * *

Хоть и волна была невелика,
А утомила что-то, укачала.
Что ж, пришвартуйся к берегу пока,
Чтоб вновь уйти с рассветом от причала.

Под ветром встрепенутся паруса,
И нет конца пути, и нет начала.
Ну, а сейчас хотя бы два часа
Передохни у сонного причала.

Когда торосы изотрут бока,
И бури снасти превратят в мочало,
Мы спустим флаг. Но надо плыть, пока
Нас не прибило к вечному причалу.

* * *

Отцвели в садах деревья дружно -
У весны и лета быстрый бег.
Я теперь, признаться в этом нужно,
В общем-то никчемный человек.

Отцвели цветы мои поспешно,
Все слабей и тоньше жизни нить...
Жить - оно не плохо бы, конечно,
Если бы неплохо было жить.

* * *

Разноцветные тонкие нити
Неожиданных всяких событий
Суровой судьбы полотно
Прошивают и вкривь, и вкось.
- И как это длится давно?
- Да лет семьдесят уж, небось...

А нити-то были разные -
Были синие, были красные!...
Был орнамент порою «нескучен»
От вплетения черных нитей.
Но стежками печальных событий
До сих пор ничему не научен...

* * *

Иди, гляди на неба синь.
Не слышно песен - значит, пои сам.
Не верь, не бойся, не проси,
Иди и ничего не бойся.

Перед тобой закрыли дверь?
Прикинь, а те ли это двери?
Не бойся, не проси, не верь,
Не надо всякой швали верить.

И знай - есть только Божий суд.
Суда людского ты не бойся.
И не проси - все принесут.
Все принесут! Не беспокойся.

* * *

Подождите меня хоронить -
Я еще вам не все рассказал.
Ненадежная, слабая нить
Не дает мне оставить причал.

Не пришел еще, видно, черед.
Видно, тот не настал еще год,
Видно, воли Всевышнего нет.
А когда отойдет пароход,
Вы платочком махните мне вслед.

* * *

Нить жизни, как гитарная струна,
На полуслове может оборваться
В любой момент. Великая страна
Не ощутит потери оборванца.

Как, впрочем, и другого, кто гудел
Мощней, натужным и протяжным басом.
Всех - и великих - тот же ждет удел.
Упал, ушел - и позабыли разом.

Любому человеку грош цена,
Когда покинул круговерть движенья.
И все же - пой, гитарная струна,
Звени, гуди и плачь от напряженья.
Продлись, продлись, очарованье...

*ПРОДАИСЬ, ПРОДАИСЬ,
ОЧАРОВАНИЕ...*

* * *

Уж сколько раз я рисовал,
Зима, твой хрупкий, нежный иней!
На солнце - розовый коралл,
В тени - лиловый, густо-синий.

Конечно, любите и вы
Красу берез посеребренных,
Когда на фоне синевы
Сверкают сахарные кроны.

Звездой лучистой заблестит,
Алмазом иней загорится.
И уж совсем чудесен вид,
Когда на ветви сядут птицы.

Вот стайка алых снегирей.
Им не страшны снега, метели.
Иди, гляди в окно скорей,
Пока они не улетели!..

* * *

Ручей бормочет в глубине оврага.
Идет весна. И видно неспроста
Разрезанной на полосы бумагой
На ветерке трепещет береста.

Ошеломлен весенним перезвоном,
Не в силах обуздать любовный пыл,
Бумажку с номерами телефона
К стволу березы кто-то прикрепил.

* * *

Вот покрасневшиеся мальчики
Гуськом шагают по лыжне.
И будто теннисные мячики.
На пальцах сосен свежий снег.

Синиц веселою семейкою
Вдруг прыснет пасмурная ель.
А на стволах, на сучьях змейками
Свой след оставила метель.

Иду сквозь заросли ольховые
Сквозь березняк и чернобыл,
Вон кто-то варежки пуховые
На лапах ельника забыл.

Пылит искристою порошею
С покрытых инеем вершин.
И настроение хорошее -
Ну, прямо хоть стихи пиши!

* * *

Робка, по-девичьи стыдлива
По снегу вытканная тень
Сегодня вышла боязливо
Взглянуть на краткий зимний день.

В ветвях заснеженного сада
Дрожит застенчивости след,
За кисеею снегопада
Знакомых глаз мерцает свет.

Перила, серые заборы
Парным облиты молоком.
Без спроса радость в разговорах
Владеет нашим языком.

Кристалл то вспыхнет, то погаснет,
В густую канет синеву,
И мы как будто сопричастны
К сему земному волшебству.

Весна

То ли углем, то ли грифелем
На стволах берез
Поперечные отметины,
И никто уж не ответит нам -
Кто тут рос да рос.

Ветви к небу устремленные -
Голые пока,
А над ними клином - дружные
Проплывают гости южные
Гуси-облака.

Постепенно пробуждается
Местность ото сна,
Пусть пока еще не верится,
Но туманом сизым стелется
Над землей весна.

* * *

Уже апрель не за горами -
Через четыре дня апрель.
Уже пора бы прятать сани.
Но замела пути метель.

Она нежданно, нежданно
Вчера бесилась целый день.
И падала, как с неба манна,
Ведь целый день - и все не лень!

И снегом мокрым залепила
Забор, деревья и кусты.
Оно бы вроде даже мило,
Но эти хлопоты пусты.

Ведь все равно тот снег растает
Не через день, так через два.
Метель же этого не знает -
Все кружит, дурья голова!...

27 марта 2009 г.

* * *

Настало время таянья снегов.
А утром - наст промерзшей, твердой коркой.
Закраины воды у берегов,
И пятна рыжей глины на пригорке.

Приходит время возвращенья птиц,
Грачи грассируют все утро в брачном раже,

О, у весны так много разных лиц,
Но разве обо всех о них расскажешь!

Подолгу очарованный стоишь,
Весенние приметы наблюдая.
Проходит время валенок и лыж,
И, как у Блока, все - мечта без края!

Все в порядке

Пройдет своею чередой
Дней вереница,
И вот потянутся домой
К гнездовьям птицы.

И подожжет снега апрель.
Горяч, неистов.
Весна рисует акварель
Светло и чисто.

Уж заневестилась ветла -
Вся-вся в барашках!...
И медуница зацвела
В лесном овражке.

В луга отправилась пчела
За первым взятком.
- Привет, весна! Ну, как дела?
- Да все в порядке!...

* * *

Весенний лес - он весь, как праздник.
И хоть не распустился лист,
Но сколько здесь диковин разных!
Лес весь прозрачен, весь сквозист!

Смеется солнце, глядя в лужи,
В них отражаются стволы
Дерев, воспрянувших от стужи.
И облака, как снег белы.

А в вышине, под солнцем нежась.
Они плывут, как пух легки.
И вот уже расцвел подснежник
В сыром овраге у реки.

Вот, в ручеек тугой свиваясь,
Журчит весенняя вода...
И будто вешняя вода,
Бегут, незримо удаляясь,
Мои последние года.
Куда они бегут, куда?

Апрель

Апрель, апрель!...Он делает, что хочет -
То с крыш капель, то дождичком помочит,
То закружит пушистая метель.
И - снова солнышко румяное хохочет!

Достанет дудочку, волшебную свирель.
Опустит долу голубые очи,
Одарит песней, златокудрый Лель!

Ручьями снег источит у обочин,
Морозцем вновь подхватит лужи ночью,
С утра запустит в небо птичью трель
А к вечеру ненастье приурочит.

Проказник непоседливый апрель.
Он вытворяет все, что только хочет!

* * *

Вечернего леса покой, благодать.
Лесная опушка.
И снова, как в детстве, мне годы опять
Считает кукушка.

Душа не успела остыть и устать
И вечеру рада.
Не надо, кукушка, мне годы считать,
Не надо, не надо.

В душе своей долго я буду хранить
Покой и прохладу.
Так пусть пока тянется дней моих нить,
Пусть длится отрада.

Ведь мне самому уж, кукушка, видать
Край жизни, опушку.
Так дай мне лесной тишиной подышать,
Вещунья-кукушка.

* * *

Потянуло прохладой с полей,
И с реки потянуло прохладой.
Наступил тихий час на земле -
Для души и для тела отрада.

Вот туман обложил берега,
Задремали у берега лодки.

И далеко-далеко в лугах
Коростель заиграл на трещетке.

Принакрылась лесов полоса
Невесомой кисейною дымкой,
А в высоких золотых небесах
Тает месяц прозрачною льдинкой.

Хорошо в этот миг, чуть дыша,
Замереть стебельком придорожным.
Сладкой болью займется душа,
Красотою напившись тревожной.

И не мыслью - нутром ощутить,
Первобытного чувства волною,
Что цела, что не порвана нить
Кровной связи с родною землею.

За забором

За забором - борозды и грядки, брюква, репа.
Заросли гороха,
Чьи лопатки любят так ребятки.
Репой тоже похрустеть неплохо.

боровки окученной картошки.
Маленькие пальмы - помидоры.
Спорышем заросшие дорожки.
Это все - за сереньким забором.

В этом царстве боровков и грядок
Властвуют невидимые глазом
Кем-то установленный порядок,
Чей-то нам непостижимый разум.

Ветер

Где проживает ветер?
Живет он везде и всюду,
Гуляет, где хочет, по свету.
Свободен и неподсуден.

Кто-то на ветер ропщет,
Кто-то его ругает -
Он знай себе свищет по рощам
И вихрем летит над лугами.

Захочет - снесет вам и крышу.
Такие ли выдаст припарки!
Минута - и нет его тише.
Уснет, успокоившись, в парке.

Начало дождя

Безлико-равнодушное светило
Уныло и безрадостно светило,
И воздух был распарен и тягуч.
Вдруг пыль дороги вихрь взвинтил летучий,
Вдруг из-за леса высунулась туча
Лохматой кучей лапотных онуч.

И серое большое покрывало
Сукном шинельным землю покрывало.
Струей холодный ветер низом дул.
И тьма зловеще пугалом пугала,
Как ни ступи - все за спиной стояла
Жутка, как темень револьверных дул.

Клубилась туча пепельною розой,
И белая, как молния, береза
Стояла, напрягая связки жил.
Запахло йодом, пережженной серой.
И пыль мучнистую дороги светло-серой
Дождь пулеметной очередью взбил!...

Закат

Закат Закат безмолвно ярок.
Его прощальный свет
Мне дорог, как подарок,
Как дружеский привет.

Годы ушли.
Все глуше И глуше их набат...
И бережит лишь душу
Сгорающий закат.

* * *

Букварь в то лето мама мне купила,
И в букваре том - Маша рамы мыла.
Как грустно расставаться с летом было!
Как скучно жить без речки, без футбола...
Рубашку шила мама мне для школы,
Иголкой руку больно уколола...
Теперь, припомнив про букварь тот самый.
Где Маша и сейчас все моет рамы,
Подумалось - как грустно жить без мамы!
И сердце как иголкой укололо...

* * *

Сумрачный бор вековой,
И, как столетья назад,
Ветер гудит верховой,
Старые сосны скрипят.

Может, столетье назад
Прадед ходил в этот бор -
Зорек приметливый взгляд,
Остро отточен топор.

Слушаю шум верховой,
Хрустнет обломленный сук.
Думаю: «Бор вековой
Целым застанет ли внук?»

* * *

Всем елкам в лапы свечки раздавая,
И зажигая их невидимой рукой.
Вставало утро, берег раздевая
От пелены тумана голубой.

И ветер, уголь солнца раздувая,
Развел костер над алою рекой,
Стал божий мир совсем неузнаваем.
И наступил ликующий покой.

И вот уже, объятые пожаром,
Горят, пылают небо и река.
И задымились перекаты паром,
И закурились дымом берега!...

* * *

Каждым скрипом стареньких ворот,
Каждым вздохом полевой дороги.
Каждой лужей - за душу берет
Этот вид окрестности убогой.

Каждою былинкою лесной.
Горьким духом избыного дыма,
Каждою промозглою весной -
Хоть горчишь, а дорог, край родимый.

Тонкою рябиной у окна,
Ветхой, прохудившеюся крышей -
Сирая, родная сторона.
Ты милее всякого Парижа.

* * *

Незабудок голубые брызги.
Все гляжусь на них - не нагляжусь.
Это песнь о неизбывной жизни,
Светлая есенинская грусть.

Рядом с ними греется шиповник,
Неизвестно, как попал сюда.
Будто бы застигнутый любовник,
Заалел от жгучего стыда.

* * *

Повернулся вьюнок
К солнцу розовым раструбом,
Промелькнула у ног
Тень кружащего ястреба.

Занырнула вдруг тень
В васильковую лужицу.
Над душой каждый день
Тень от ястреба кружится.

* * *

Стоит июнь, верхушка года,
Но наша жизнь отнюдь не рай.
Опять дождливая погода.
Раскис от сырости сарай.

Поник растрепанный шиповник,
И полегла под ним трава.
А кто напасти той виновник?
Кому предъявишь тут права?

Штакетник старого забора -
Он черноты самой черней...
А день пойдет на убыль скоро,
И будет с каждым днем скучней.

И не увидишь, как и осень
Придет и встанет у крыльца.
Берез полошет ветер косы.
Дождям тоскливым нет конца...

* * *

Хронометр далекой кукушки
Тревожит озерную дичь.
Смысл жизни болотной лягушки
Не так-то уж просто постичь.

Чирикает Божия пташка,
Лесной мотылек мельтешит.

Тут каждая тварь и букашка
По важному делу спешит.

Тут каждый комарик умишком,
Создателем данным живет.
Хотя далеки их делишки
От наших трудов и забот.

Живем в суете человеческой,
Свое получая сполна...
И капля за каплею в вечность.
Как прежде, текут времена.

* * *

С утра заладил нудный дождик
И барабанит все в окно.
Хоть взаперти сидит художник -
Умом на воле все равно.

Пусть затхлым воздухом он дышит,
Но вот проснется в нем поэт -
О светлых днях стихи напишет
И солнцу сочинит сонет.

Когда же прекратится дождик
И солнце свой покажет лик,
В поля отправится художник
Запечатлеть красу земли.

Мама

Утица на зеркало залива
Выплыла. Взглянула - ни души.
Повернулась утка торопливо
И опять нырнула в камыши.

Малышам скомандовала: «Живо!»
Показалась вновь из камышей.
И плывет за нею по заливу
Выводок утят-малышей.

Сердце успокоилось у утки -
Детки снова скрылись в камышах.
Так у мамы каждую минутку
За детей волнуется душа.

К вечеру

Настанет час - и сразу станет тише,
Осветит солнцем бессловесный лес.
И грудь реки волнуется и дышит.
Рифмуя цвет божественных небес.

Приблизятся, яснее станут дали.
Перенестись туда бы, улететь!...
И там. вдали, мельчайшие детали
Становится возможным разглядеть.

В одеждах царственных стоят березы, ели
В торжественной вечерней тишине.
И что-то мне сказать они хотели,
А может, показалось это мне.

Покуда миг короткий этот длится.
С природой родственную ощущаешь связь.
И сердце начинает чаще биться,
Из тела как бы выпрыгнуть стремясь.

* * *

Прямые сосны огненными залпами
Насквозь пронзили неба синеву.
А небо светом нестерпимым залито,
И капли света падают в траву.

От этих капель желтенькие лужицы
Образовались в темной мураве.
Пчела жужжит. И бабочка все кружится,
И распускает венчик горлицы.

* * *

Вот иду по полевой дороге,
Утонувшей в золотистой ржи,
Холодит земля босые ноги,
Васильки синеют у межи.

Над полями с переспевшим хлебом
Величаво, будто из былин,
Облака по голубому небу
Проплывают, выстроившись в клин.

И простору полевому радо
Песню сердце запоем без слов,
И отрада, тихая отрада Наполняет душу до
краев.

Тишина

Над полями луна
Спелой дыней подвешена,
Избы черные
В сумерках дремлют.

Подошла тишина,
Как усталая женщина
Опустилась тихонько
На теплую землю.

Пахнет пылью дорога,
Полынью прогорклой.
Эти запахи всплыли,
Висят без движения.

Ветер где-то уснул
За селом на пригорке,
Предоставив эфиру
Свободу скольжения.

Стало вовсе темно.
Жутковато, таинственно.
Темнота по лицу
Шарит лапою липкой.

В тишине лишь кузнечик
Один-разъединственный
Потихонечку пилит
На маленькой скрипке.

Дорога

Полевая дорога во ржи.
Вдоль дороги столбы телеграфные...
Боже правый, поведай, скажи -
В чем мой грех, чем тебе не потрафил я?

Заунывно гудят провода.
То ли песню поют, то ли плачутся,
От судьбы не уйти никуда.
Не сбежать от нее и не спрятаться.

Полевая дорога в пыли.
Над дорогою ласточки стелются.
Что-то завтрашний день мне сулит?
Ничего. Все пройдет, перемелется.

Что-то завтрашний день мне сулит,
Огорчит он меня иль обрадует?
Надвигается туча вдали.
Дождь из тучи спускается прядями.

* * *

В заводи стоит, как неживая.
Стылая, осенняя вода,
А в душе, как рана ножевая,
Дума об ушедших навсегда.

Постою на ветерке сквозистом.
Прошуршу по листьям по сухим.
Кто-то был хорошим пейзажистом,
Кто-то был поэтом неплохим.

Погляжу сквозь мглу в седые дали,
Если есть ты там, в седой дали,
Боже, утоли мои печали,
Путь мой грешный на земле продли.

* * *

Гонимое ветром июньским сухим
Плывет благодатное лето,
Не видно незрячим, не слышно глухим
Блаженство вселенское это.

А луг разноцветьем нарядным горит,
А поле отрадою дышит.
Имеющий очи все это да зрит,
Имеющий уши да слышит!

Не спится

Не спится. Листья за окном шумят.
Шумят тревожно, всхлипывая глухо.
Со мною вместе комары не спят,
Гундят, гундят. Всю ночь гундят над ухом.

Никак не спится. Поздняя пора.
Спросонья вскрикнет за окошком птица.
Тревожно на душе. Тоска, хандра.
И не к кому душою прилепиться.

Друзья-товарищи пропали кто куда,
Как говорят, иных уж нет, а те далече.
Как метроном, из крана капает вода.
Залает пес - час от часу нелегче.

Так и не спать уж видно до утра.
В кустах затенькала проснувшаяся птица.
Настала одиночества пора,
И с этим, видимо, приходится мириться...

* * *

Явилась осень в одночасье,
Разбрызгав красок жар и пыл,
Хотя приход ее отчасти
Уж ожидаем нами был.

Хоть непредвиденно, хоть жданно
Пришла, кокетливо спросив,
Мол, хороши ль мои румяна,
Наряд достаточно ль красив?

И закружилась в буйной пляске
По селам, весям и лесам,
Все как бы превращая в сказку
На радость синим небесам.

Кружится - будто вьюгой вертит -
Карминно-желтая листва.
Уж под ногами нету тверди,
Уж на ногах стою едва.

Твержу бессвязные слова,
Хоть грамм я не пил - поверьте,
Но вот от этой круговерти
Аж захмелела голова!...

Осеннее

Чередой обложные дожди
Все идут, им не видно просвета.
Знать, прошло благодатное лето.
Холода да дожди впереди.

Бесполезно чего-либо ждать -
Все прошло, что должно состояться.

Но и все же - охота дожждаться
Ну, хотя бы кончины дождя.

Чтобы выглянуло из-за туч
Погрустневшее к осени солнце,
Чтобы в мутное наше оконце
Хоть на миг заглянул его луч.

На исходе минувшего дня,
В полусумраке вечера мгlistом
Пусть сквозь слезы, но все же улыбкой
Озари на прощанье меня.

Осень

Осень. В вазе зачахли цветы.
Это астры - цветы сентября.
Но напрасно тревожишься ты
И надеешься, право же, зря.

Осень. Дождь затуманил окно,
И за ним ничего не видать.
Все ушло, отшумело давно.
А ушло - так чего вспоминать...

Осень. Шапки поблекших цветов
Наклонились почти до стола.
Все не то. Все не так и не то.
Вот такие, примерно, дела...

Холмы

Освещенные солнцем холмы
Вспоминают прошедшее лето.
В золотую парчу Хохломы
Хороводы берез разодеты.

Под ногами повсюду ковры,
Ткали их мастерицы Востока.
Нет наряднее этой поры,
Что так душу волнует глубоко.

Скоротечно пройдут эти дни,
И потухнут осенние краски.
Как пожар, отпылают они -
Ведь мгновения радости кратки.

Как протяжна привычная грусть,
Что с ненастьем придет, с холодами.
И когда же теперь я пройду
Освещенными солнцем холмами?

Освещенными солнцем холмами
Я когда-нибудь все же пройду!...

* * *

Далеко до всамделишной стужи,
Но подкрались уже холода,
И замерзли на улице лужи,
И в реке потемнела вода.

И березы последние листья
Уронили под ноги себе.
Хорошо бы теперь поразмыслить
О своей неказистой судьбе.

Дни, недели проносятся мимо.
Понемногу съезжаешь с ума.
И грядущее неотвратимо -
Это старость, болезни, зима.

Холмы

Серо, сиро, сыро.
Слякоть, лужи, грязь.
Дождик в неба дыры
Сыплет не спросясь.

В мутное окошко
Капли бьют да бьют,
А на сердце кошки
Серые скребут.

Серые заборы.
Серые дома...
Скоро, очень скоро
Завернет зима.

Навьюжит сугробы,
Станет ворожить.
Было хорошо бы
До весны дожить.

* * *

Снег о голые сучья колюче шуршал,
Но была эта ночь снегопаду не рада.
Тихо спали дома, еле слышно дыша,
И металась пурга между раем и адом.

Все кружила в смятении слепая метель,
И снежинки в лицо ударяли с разбега.
И кружилась в душе кутерьма, карусель,
Ошалела она от внезапного снега.

Побелели кусты, побелели дома,
В одночасье от снега земля побелела.
Вот такие дела. Это значит зима
Принялась за свое вековечное дело.

... Снег о голые сучья колюче шуршал,
И глядели во тьму воспаленные окна.
От знобящего ветра озябла душа
И от мокрого снега немного промокла.

Воспоминание

На лугу у опушки
Золотой зверобой,
И оплакан кукушкой
Там ятрышник рябой.

Там фиалка ночная
Затаилась в тени.
Ах, опушка хмельная!
Беззаботные дни!

Беззаботное небо
Голубело вверху...
Дни вернуть эти мне бы,
Разметнуться во мху,

Замереть и бездумно
Слушать старую ель.
...За окошком безумно
Завывает метель.

Хороводы

Мягкие, пушистые пензенские шали
Поверх распутившихся серебристых кос.
Ох, как закружились! Вот и разбежались
Хороводы зимние девушек-берез.

Переборы хромки, ливенки разливы,
Русского баяна вычурная речь.
И течет в сугробы кружевное диво
С плеч березок белых, как с девичьих плеч.

Лишь одна не пляшет и не веселится,
Всех она нарядней, всех она грустней -
Ей тяжелый иней запушил ресницы,
Не открыть бедняжке голубых очей!...

Снегурочка

Ты пришла, как забытая сказка
О зиме, серебре, холодах,
О мальчишечьих резвых салазках,
О сугробах, замерзших прудах.

В шубке беленькой, легкой, пушистой
Затерялась средь чистых снегов.
Среди тонких берез серебристых.
Среди выюжных певучих ветров.

Глаз лучистая звездная ясность
И косы золотистой дождь.
Ты в сапожках сафьяновых красных
В гости к Деду Морозу идешь.

Ты - хозяйка волшебного царства.
Царства инея, синего льда,
Осужденная чьим-то коварством
Хрупкой девочкой быть навсегда.

Зимушка

Ходит чародейка, зимушка-старушка.
По своим владеньям, по полям, лесам.
То проходит просекой, то бредет опушкой
И творит, колдунья диво-чудеса.

То подарит соснам бусы-ожерелья,
То берез-подружек вырядит к венцу,
В самоцветы-камни изукрасит ели,
Девочкам-осинкам даст по леденцу.

Вновь опустит руку в свой мешок убогий -
Тонкое вязанье бросит меж ветвей,

Белыми коврами выстелит дороги,
Выпустит на волю стаю снегирей.

А когда умается, выйдет к деревушке,
Посошком в морозный ставень постучит,
Вынесет хозяйка хлебушка краюшку,
Жаркого, пахучего - прямо из печи!

Венец мироздания

Сиренево-серые зданья,
Деревья - чуть-чуть посветлей.
Иду я, венец мироздания.
По круглой планете своей.

Иду я, судьбе благодарный,
За то, что живу и дышу.
Ведь я - человек планетарный.
Так это я и запишу.

Иду, а нахальные ветры
Пронзают озябшую грудь.
И сколько прошел километров -
Хотя б подсчитал кто-нибудь.

Побреюсь, умоюсь, проснувшись,
Приму я все тяготы дня.
А коль упаду, спотыкнувшись,
В планету зароют меня.

Набросок

Облаков вечерних ожерелье,
Что на шелке зарева лежит,
По-сырому нежной акварелью
Написал умелый пейзажист.

Вытянулись бархатные тени
От деревьев дремлющих во мгле.
Гроздь багровеющей сирени
Тлеют, будто уголья в золе.

* * *

Дождь третий день идет без пересаду,
Вздувая в желтых лужах пузыри.
И находиться у дождя в осаде
Досадно, право, что ни говори.

Но закатав штанины, сердце радо
По желтым лужам до утра бродить,
Коль наградил его Господь отрадой,
Наисладчайшей мукою -
Любить!

* * *

Был основным для меня
Метод ошибок и проб,
Шило на мыло менял
И на петрушку укроп.

Я направление менял.
Ежели скучным был путь,
Но на судьбу не пенял,
Разве что только чуть-чуть.

Падал и снова вставал.
Пластырь клеил на ушиб.
Дьявол мне в ухо шептал:
«Можно прожить без души!»

Пусть от минувших дорог
Обувь, одежда в пыли -
Душу я все же сберег,
Не променял на рубли.

Две дороги

Есть Иоганнес Брамс,
есть Винченцо Беллини.
Хочешь в плен им отдаться - изволь!

Есть и вольный, как воля,
Василий Калинников,
Сердца русского радость и боль.

Необъятное небо. Бездонное, синее.
И былинное поле вдали.
Отуманится взгляд, и куда ты
ни кинь его,
Все клубятся, как пыль, ковыли.

Как на чистом листе две случайные
линии.
Две дороги в степи залегли.
Повстречались, скрестились и дальше
пошли они.
Повстречались и дальше пошли.

Наши судьбы, как эти дороги безвестные,
Непонятные силы свели.
Что же в жизни осталось?
Одно перекрестие среди трав
в придорожной пыли...

Облака

Облака, облака,
Над землей облака
Проплывают, гонимы судьбою.
Вот и мне б в облака.
Но пока, но пока
Еще связан с родною землею.

Облака, облака.
Улетела б душа
Вслед за вами в далекие дали,
Но пока, но пока
Все живу не спеша,
И с землею расстанусь едва ли.

А когда, а когда
Перестану дышать.
Что ж - и это обычное дело,
Улетит в облака
Вольной птицей душа,
И в земле успокоится тело.

Холода

Холода...
Подступили всерьез холода.
И вода,
Подо льдом скрылась в речке вода.
Это все,
Это все небольшая беда.
Никогда
Не вернуть прежних лет - вот беда.

Будто дым,
Будто дым пролетели года.
И друзья,
И друзья разошлись кто куда.
Стал седым,
Стал седым - это что за беда!
Жаль любовь
Улетела, ушла без следа...

Май придет,
И отступят, уйдут холода.
Оживет,
Заволнуется в речке вода.
И сады
И сады зацветут, как всегда.
Мы с тобой
Нашей юности вспомним года!

Черемуха

Старая черемуха наполнила
Ароматом горьким все село,
Старая черемуха напомнила
Детство, что давно уже прошло.

Где ж вы, где ж вы годы босоногие?
Голова давным-давно бела,
А душа, забыв печали многие.
Снова горьким цветом расцвела.

Снова распустилась, заневестила,
Вся-то, будто облако, бела.
Нынче хорошо бы вспомнить вместе нам
Юность, что давно уже прошла.

Вспомнить наши чувства потаенные.
Как душа черемухой цвела,
Как ходили по уши влюбленные
На виду у нашего села.

Старая черемуха наполнила
Запахами чуть не пол-земли,
Ароматом горьким мне напомнила
Годы, что давно уже прошли.

ВЕРЛМБРЫ

Утро

Осколки тьмы ночной
Лежат
В колодезе двора,
Запятавшись в углы.
Иль это
Черные остатки
Снега апрельского?
И вот -
Вот тонкий голосок
Нежнейшей флейты
Вывел,
Как девочку - за ручку -
Погулять
На свежий воздух
Мелодию,
Золотокудрую и легкую,
Прозрачней воздуха и утра

А знойный день -
Он где-то там,
Пока еще не виден,
В укрытии.
Как полк засадный.
Но скоро засверкает
Шеломами, доспехами.
Щитами и оружием
Во всей красе
Бесстрашия
И - доблести,
И - славы.

Фантазии творца

Растения
округлые листья
блестят,
покрыты светлым лаком.
Листы -
наивные зеленые сердечки,
не знающие подлости и зла.
Растения
в цветочницах, в горшочках
глядят на улицу
в квадратики оконца.
Листы -
ладошки детские,
доверчиво
протянутые к Солнцу.
Или -
раскидистые полосы и ленты
фонтаном зеленоструйным
хлещут из земли.
Или -
шишак, колючками покрытый,
раз в год
цветок подарит
несказанной красоты.
А где-то там -
в полях, в лугах -
ликуют травы,
дружно зреют злаки.
Извилистых стеблей
затейливый узор
и бесконечное

цветов разнообразье -

цветы, цветы...

И это

вечное, как время,

устремление -

оно дано Творцом -

бесстрашное

извечное геройство -

из темноты

родительской земли -

наверх, наверх!

В святое царство Света!

О, безрассудство жизни!

Ведь все - все, все! -

обречено отцвесть,

погибнуть,

и, наконец, исчезнуть

без следа!

Но завтра

выдумает заново Господь

другие формы,

новые стремленья.

И есть ли он,

предел,

непостижимой

и неистощимой

фантазии премудрого Творца?

Должно быть, нет предела...

Пробуждение

Нет ничего.
Немая пустота.
Рассеянная - вездесуще -
темень.
Безмерность
и безвременность пространства.
И -
нет параметров.
Им неоткуда взяться
еще пока,
параметрам.
Нет ничего...
Но вот
квадрат окна
чуть-чуть -
совсем чуть-чуть -
едва заметно
серостью намок.
И на квадрат на этот
положен
темный Крест -
знобяще скользким
знамением.
Или -
пред-чувствием,
Или -
пред-знаньем.
Сознание
не берет в расчет,
что этот Крест -
всего лишь переплет
оконной рамы. И вот -
он выполз,

виновато
руку лижет,
невидимый, неведомый,
бездомный...

Но места нет пока
тоске
или печали,
или боли,
когда вокруг -
немая пустота.
Нет ничего...

И -
вынут механизм
часов
из корпуса,
потертого веками.

И -
знаков не видеть
совсем
на циферблате.
Да и зачем они,
те знаки,
когда по всей земле
немая пустота.
Нет ничего...

И лишь одно -
чуть видимое
окно с Крестом
да жуткое
пред-знание
знобяще скользкой
и протяжной
нотой...

Шаги

Они идут...
По коридору
гулкому и длинному,
как бесконечность.
Шаги их
отдаются
неслыханною болью
в мозгах, в ушах,
в бетонном потолке
и в стенах,
и вновь -
в мозгах, в мозгах, в мозгах.
Они идут...
Не сами - их ведут.
Тупая и преступная
беспечность
зачтется всем палачам
на праведном суде
Всевышнего!
Они идут...
И долго будут помнить
их шаги
немые стены,
серый потолок
и пол
всех тех,
кто гулким
коридором шел.
Нет,
не на казнь,
не на расстрел,
а в Вечность! -
Они идут...

Стайка синиц

Дружная
стайка синиц
ей лишь одной
ведомой целью
влекома
путь прервала,
вразброс облепив
растрепанный куст
у окна возле нашего дома.
Посутились
в сплетеньях ветвей
еще с осени голой сирени,
желтыми грудками
зренье дразня,
и обменявшись
наскоро мнением,
что здесь пожить
едва ли чем можно,
птички нарядные
с теньканьем грустным
дружно
спорхнули с куста,
и обгоняя друг друга,
снова отправились
в путь
им лишь известный
одним.

Вечер, ветер и снег

Ветер - промозгло-сырой
неприятно-колючий,
будто шапка моя,
насквозь промокшая
под тоскливым ноябрьским
снего-дождем.

Вечер
пришел по зимне-осеннему
рано
с взбалмошной вьюго-пургой
еле в темени видной,
но ощутимой
столь явственно
бесчисленно-жгучими
поцелуями
на губах, на щеках,
на веках
полуприкрытых глаз.
Холодная влага
течет по лицу,
промокли
одежда и шапка, и обувь.
В такую погоду
не только прохожего,
но и собаки
не встретишь нигде.
И только фонарь,
горбатый и одноногий
стоит одиноко
на повороте дороги,
и у его головы

кружит,
беснуется рой
белых снежинок-пчел.
Я знаю,
что ты далеко-далеко
за тысячи верст,
до тебя
не до-плыть, не до-лететь,
не до-ехать и не дойти
никогда, никогда.
Я знаю,
что ты стоишь
и смотришь в ночное окно,
в крошечную темень,
а там -
один лишь фонарь
на повороте дороги
и в призрачном свете его
вьется снежинок рой,
покружат, покружат -
и замертво упадут
к ногам фонаря.
Вдруг
и к тебе прилетят
вспоминанья непрошенно,
закружат, как пчелы,
безжалостно жалить начнут.
Вот уж и след
заблестел на щеке
от ужалившей больно,
растаявшей тут же
пчелки-снежинки...

Мираж

Ноздрями,
грудью всей,
всем существом
вдохнуть -
насколько хватит сил,
вдохнуть -
до боли в бронхах
весенний воздух
сладкий и хмельной,
такой прохладный
и такой упругий.
И вот тогда -
от этого усилия
в сознании всплывут
давно забытые
виденья прошлого
и нарисуются,
как сны цветные,
явственно и четко.
И вот -
как будто молодость
и даже
мышечная радость
на краткий миг
к тебе вернутся вновь,
и сладостно
заломит сердце...
И вот -
как будто птица вещая
на крыльях
незримо принесет - издалека-

осколок
неслучившегося счастья,
столь близкого тогда
и все-таки
промчавшегося мимо,
и впопыхах
в руках чужих,
неосторожных
разбившегося вдребезги...
Виденье это
посетит на миг,
и тут же
все исчезнет,
как мираж...

Из детства

До бесконечности
протяжный
зимний вечер...
За окнами
давно уже темно,
мороз-кудесник
выложил на окнах
узоры
из невиданных растений,
а может быть,
из перьев райских птиц.

Беснуется и ухает
огонь
в печи-подтопке,
да так, что дверка

тонко дребезжит
и в такт поддакивает,
вторя
безудержному хохоту огня.

И теплится
лампадка у икон,
тщедушный огонек
мерцает,
высвечивая
пасмурные лики,
играет
на окладах медных,
недавно вычищенных
маминой рукой.
И старенькие ходики-часы -
их маятник
движеньями заученно-скупыми,
как будто бы на счетах
отбрасывает
в сторону секунды
прожитые.
О, сколько впереди их
у меня!...

Верлибр

Вчера
я целый день
все сочинял стихи
верлибром -
и мне понравилось!
Как будто бы
оковы снял,

снял кандалы,
избавившись от рабства
блудливых рифм,
их сутенера - ритма.
Я ощутил
 всю благодать свободы,
дышать
гораздо легче
стало мне.
Чувства, мысли,
забыв о ложе
прокрустовом
занудных рифм
помчались вдаль
и радостно, и вольно,
как будто
на рысистом скакуне,
а встречный ветер
только прибавлял
отваги и огня
разгоряченным мыслям.
Из небытия
рождались образы,
одетые в слова.
Верлибр -
не зря же слово это
звучит по-русски
как «свободный стих»!...

Галлюцинация

Вы видели
когда-нибудь закат -
зимой
над темной полосой леса
трепещущий,

как знамя на ветру?
Закат,
пылающий огнем
и охвативший
чуть ли не полнеба?
Закат,
цветной и нестерпимо-яркий,
как шаль цыганская?
Нет, ярче!
Как металл,
расплавленный
до золотого цвета -
это по-над лесом,
а выше -
ярко-алый, будто кровь?
И отсветы
багрового заката
по снежному,
бескрайнему простору
лежат
нежнейшим шелком,
воздушно-розовым
с сиреневым отливом.
И лес -
притихший, темный,
жутковатый,
такой, как в сказках
древней старины,
вы видели?
Вам доводилось ли
когда-нибудь,
хотя бы в жизни раз,
промчаться

по дороге зимней
навстречу закату алому
пусть не на тройке,
так на хорошем,
резвом рысаке,
впряженном в сани
легкие,
и чтобы
снега красного ошметки
в лицо летели вам
из-под копыт?
Конь в раж вошел,
и ноги его
работают ритмично,
как машина,
и вот уже
он птицею летит
над зимнею
накатанной дорогой!
Мне
довелось однажды
испытать
такое счастье -
пусть давным-давно,
но как отчетливо
запомнился
тот вечер!
И вот еще
такая вот деталь:
осажен конь,
стал бег его умерен;
закат почти угас,
и ночь уже близка,

густеет темень
с каждою минутой,
и нарастает жуть.
В безмолвии полей
лишь снег
визжит под полозом,
поет
одну заученную песню...
И вот
из дальней дали,
из-за леса,
что далеко
остался позади,
послышался, приблизился,
как эха
отзвук слабый,
звон колокольчика
и песня ямщика.
Подумалось -
не дедушка ли наш
на тройке запоздалой
торопится домой
к себе в деревню,
в родное Жуково?
Да нет, конечно, -
уж слишком дед
в дороге припозднился,
чуть не полвека уж прошло,
как нет его в живых
Все это
было лишь игрой
воображенья,
воспаленного дорогой зимней,

жуткой темнотой.
Гал-лю-ци-на-ци-ей!

**«Болеро» Равеля
(концерт для барабана с
оркестром)**

Вот стихли в зале
шарканье и кашель,
в оркестре смолк
визгливый крик смычков -
притихло все,
как будто перед бурей,
в тревожном, напряженном
ожиданье.

А впереди
под залпами софитов
нагнулись к инструментам
оркестранты -
к гобоям, флейтам,
скрипкам и альтам.
Пригнулись так,
что лиц не стало видно,
а только смоляные
шевелюры
да челки рыжие,
да лысины, да плечи
блестели,
как бильярдные шары.
Чуть не до пола
полы черных фраков
свисали обессиленно,
как крылья

подбитых, грозных
незнакомых птиц.
Застыл за пультом,
будто знак вопроса,
в пружину сжатый
тощий дирижер -
вот руки поднял,
легкое движение -
и вслед за этим
тишину нарушил
звук барабана,
мерный и глухой.
Так начиналось
«Болеро» Равеля.
Такт за тактом
все возвышал
свой голос барабан,
поочередно
в этот ритм включались
гобой и флейта,
и кларнет, и альт.
Но смело и уверенно
отважен,
как вождь спартанцев,
шел первым
предводитель барабан.
Своим упорством,
непреклонной волей
он задавал
размеренность движенью
и направление,
смысл и красоту.
Все больше, больше

нарастали звуки,
теперь они
могучею волной
лились свободно,
мощно, широко.
И разгибались
спины оркестрантов,
не сразу - медленно;
и вот уже их лица
возможно стало видеть,
различить черты
и даже
выражение лиц.
Вал звуков рос,
и зрели гроздь гнева,
самосознание
ширилось и крепло,
лавиной шли
восставшие рабы!
О, сладостная
музыка свободы!
О, миг без униженья и оков!
Покуда существует мир,
неутолима
жажда человека свой образ
настоящий обрести,
дарованный не кем-нибудь,
а Богом!
Оркестр вступил
всей мощью
инструментов,
и лица оркестрантов
вдохновеньем

и светлой красотой
озарены!
Бей,
бей сильнее,
барабан!
И уж несет погибель океан,
валы его
теперь настолько мощны,
что рушат
все преграды, все устои.
Все - в щепки!
Все - в тар-тарары!
И все - на кон
за этот счастья миг,
за этот миг
столь сладостной свободы!
Еще вчера
покорные рабы,
они погибли
в этом страшном
смерче,
но это был
безумству храбрых
Гимн!
И это было -
«Болеро» Равеля!

*ОБО ВСЕМ ПОНЕМНОГУ,
ВСЕРЬЕЗ И НЕ ОЧЕНЬ*

Об ушедшем

Здравствуй, румяный напудренный паж
Не застудило Бореем?
Где госпожа твоя, где экипаж.
Слуги в расшитых ливреях?

С жесткой косичкой парик завитой.
Щеки ни разу не бриты...
Где ты, истории век золотой -
Дамы, пажи, фавориты?

Где обольстительниц сладкая лесть,
Где пышногрудые девы?
Старых распутников важная спесь,
Выезды цугом - ну где вы?

Где ослепительность светских балов.
Вздор дуэлянтов отпетых?
Где ты, двуличье двуглавых орлов,
Время ушедшее, где ты?

Полно, возможно ли вспять повернуть
Старой кареты колеса...
Ждет нас с тобою незнаемый путь,
Паж, молодой и курносый!...

Мечты

Весь день лежать бы в гамаке
С хорошей книгою в руке
Под легким летним ветерком
Да есть клубнику с молоком.

Звук пароходного гудка
Услышать, что издалека
Доносит ветерок с реки, -
Его касания легки.

Ласкать бы взглядом облака
Те, что белее молока,
Ходить по травке босиком
Да искупаться вечерком.

Но у меня, у чудака,
Нет.к сожаленью, гамака.
И гложет суета сует
Остаток проходящих лет...

В Нижнем– лето

Вот я в Нижнем. В Нижнем - лето.
В Нижнем - божья благодать.
Как бы мне блаженство это
Вам получше описать?

«Автолайны», «Мерседесы» -
Все путем в моей стране.
Все прикольно, все чудесно!
Но немножко в стороне

В луже, сделанной самим же,
Безмятежно бомжик спит,
У него неважный имидж,
Весь в подтеках, весь избит.

На штанах его прореха,
Из прорехи - смех и грех! -
Проходящим на потеху
В лужу вывалился «грех».

Но внимание на это
Разве стоит обращать!
Вон «Макдональдс» манит светом -
Там уют и благодать.

У Московского вокзала
Треск трамваев, зной и пыль,
Ест глаза дымок мангалов,
И повсюду жарят гриль.

Дамы курят сигареты
У палаточных комков,
И плывет неспешно лето
Над страной дураков...

За Вяткой

Как за Вяткой - вятра. вятра,
На сто верст все ляса, ляса.
Как за Вяткой - зяма, зяма.
Не видать той зяме конца.

Как за Вяткой мятутсяняга.
Замяли те снягасяло,
А в сяле том печаль-тоска,
Это время зямы пришло.

Как за Вяткой ляжатляса,
А над Вяткой кружат вятра,
Застилают постель сняга,
И, как пух, та постель мягка...

Сон

Бегу, скольжу и обрываюсь.
Не опоздать, не упустить.
Я сам себе врагом являюсь,
И надо мне себя убить.

Двойник мой лезет выше, выше,
Он смел и ловок, как ковбой.
И вот он спрятался на крыше
За дымовую за трубой.

Он тяжело и шумно дышит.
И слышен сердца гулкий бой.
И я бегу по скользкой крыше
За двойником, сам за собой.

Вот пистолета черным глазом
Двойник из-за трубы глядит.
Три пули в сердце - раз за разом.
Двойник мой жив. А я убит.

Про цыган

Через тучку месяц светит,
А цыгане у костра,
Позабыв про все на свете,
Поют песни до утра.

Видишь старого цыгана?
Он на дьявола похож.
У цыгана нет нагана,
У цыгана плеть да нож.

Серьги, кольца, ожерелья,
Губы алые, как кровь.
Навари, цыганка, зелья
На смертельную любовь.

А в ночи пасутся кони,
Сами черные, как ночь.
Не страшит цыган погоня,
Улетят на конях прочь.

...Через тучку месяц светит,
А цыгане у костра,
Позабыв про все на свете,
Поют песни до утра!

Про китайцев

С детства уважение питаю
К древнему и мудрому Китаю.
Что ни говорите - молодчаги!
Как бы мы теперь вот без бумаги?

В тыщу лет Европе дали фору
Первооткрыватели фарфора.
И других изобретений ворох.
Ну, хотя бы взять все тот же порох.

Да и в наше время, я считаю.
Тайн, загадок много у Китая.
Неспроста, наверное, китайцы
По-китайски каждый день питаются.

Про зайцев

Жили зайцы косые в лесу,
Собирали они гонобобель,
Подловили подлюгу-лису.
Ей немножко начистили шнобель.

Вот решили они поплясать
Под раскидистой старою елкой,
Попросили они подыграть
На баяне зубастого волка.

И надумали зайцы попеть
На опушке соснового бора,
И глухой, как тетеря, медведь
Дирижировал заячьим хором.

Пир устроили зайцы в лесу -
Кувыркались, резвились в охотку,
А ленивый жиряга-барсук
Бегал в лавку за пивом и водкой.

Вот уж выбились зайцы из сил.
От веселья они опупели,
Старый ворон зайчат сторожил
На вершине разлапистой ели.

Про двери

Вот вспомнил теперь я,
Как в доме скрипели,
Визжали и пели
Тяжелые двери.

Скулили вначале,
А после взревели.
Как звери рычали -
Они заржавели.

Печально стонали
Все двери и ныли.
(Была ли война ли,
Иль уж без войны ли?)

Но вот, наконец,
Двери вдруг заскучали.
Их смазал отец.
И они замолчали.

Про курильщиков

Никаких вершин не покорили,
Просто посидели, покурили.
Просто покурили, посидели,
А пока курили - посидели.

Восточные басни

I

В каком-то городе восточном,
В каком году - не помню точно,
Верблюдов и верблюжьих чад
Кастрировали всех подряд.

Один хаджи, дрожа от страха,
Взывая к милости аллаха,
И дух переводя с трудом,
Ворвался в незнакомый дом.

К нему хозяин: «Что с тобою?
Подумай глупой головою -
Лишают дара не людей,
А ты дрожишь, как лиходея!»

Хаджи отвечивал, икая:
«Ты прав, да вот беда какая -
Когда закон и слеп, и лют,
Докажешь тут, что не верблюд».

Мораль: законы очень злы,
Когда законники ослы.

II

Осел воскликнул: «Ах, как хорошо!
Аж две охапки сена я нашел!
Вот эта справа очень хороша.
И к той, что слева, тянется душа!»
Стоял он долго, размышляя так,
Да так и помер с голоду чудак.

Мораль: так долго свой удел не выбирай.
Не то попасть рискуешь к богу в рай.

III

«Он был хафиз! Он изучил коран!
И ты учись», - внушал ослу баран.
Осел, не разобравшийся в коране,
Нехорошо подумал о баране.

Мораль сей басни такова: ислам
Не по зубам баранам и ослам.

В столице

Владыка Востока
У водостока
Стоял ослеплен
Электрическим током,
Вернее, не током.
А светом реклам -
Иль сам Далай лама,
Иль кто-то из лам.

Приехал в столицу,
О, что тут творится!
Сквозь землю готов

От стыда провалиться
За этих бесстыжих
Раскрашенных дам -
Иль сам Далай лама,
Иль кто-то из лам.

Уедет он скоро
в Тибетские горы,
Вернется в родной
И любимый ашрам.
И долго он будет
Поклоны класть Будде,
Прошенья прося
За увиденный срам -
Иль сам Далай лама,
Иль кто-то из лам.

Разговор с музой

Опять ко мне явилась Муза,
Опять приперлась, сатана.
Мой смертный грех, моя обуза,
Моя побочная жена.

«Пошто ты приплелась, старуха?
Ведь я уж стар и ты стара...
Зачем мне ересь шепчешь в ухо?
Мне в рощу белую пора».

А муза мне в ответ: «Мой милый,
В могиле належишься ты,
Достал ты со своей могилой.
Пусть наши отцвели цветы,

Не ной и духом ты не падай,
И в рощу эту не спеши.
Хоть самого себя порадуй -
Бери бумагу и пиши!»

Муки творчества

Вот кушал я варение.
Писал стихотворение.
О чем стихотворение?
О том, как ел варение,
Писал стихотворение.

Вот ехал на телеге я,
Сидел, писал элегию.
О чем она, элегия?
О том, как на телеге я
Сидел, писал элегию.

Вот увлеченный одою
Пил из-под крана воду я.
Пил воду из-под крана я
И ода вышла странная -
Пресна, как каша манная.

Сонет без сюжета

Итак, решил я сочинить сонет,
Хоть отродясь не писывал сонетов.
Тщеславие? Но только ли лишь это?
Тщеславие? А почему бы нет?

Пусть я совсем задрипанный поэт,
Пусть в мире море писано сонетов.
А я плевать хотел на все на это,
Хочу-и все! - в веках оставить след.

Я понимаю - пето, перепето
Про то.про се. Особенно про это.
И все-таки - я сочиню сонет!
Прославлюсь сам, прослаблю всю родню.
А что? Вот так возьму и сочиню!
Пошлю в журнал, в газетку и - привет!

Но где бы для сонета взять сюжет?
А вдуматься - он нужен ли вообще-то?
Да! Вот таким сонетом без сюжета
И удивлю, пожалуй, белый свет!
А, может быть, златых на склоне лет
В какое-то две тыщи с лишним лето
В главе моей появятся сюжеты,
Тогда с сюжетом сочиню сонет.

Понравился ли вам сонет - не знаю,
Но я последний, кажется, кончаю
Во славу словоблудия куплет!..

Облака (почти по Маяковскому)

Так бы и пощупал
Этот синий купол.
И снуют по куполу
Облака-куклы.
Пухлые, пузатые
Куклы усатые.
Бока покаты -
Мячи футбольные,
И прямоугольные -
Облака-плакаты.
Пла-ка-ти-ки.
Хлоп-катю-ки
Верблюды прут.
Облако-спрут.
Вдалеке - десятками
Облака-гусятки.
А вот там - тучки
Поштучно и кучкой.
Дирижабль мне бы
Да подняться в небо.
А пока, а пока
Наблюдаю облака.
По небу погожему
Облака летают.
На людей похожие,
На зверей похожие.
Жалко только -
Тают!...

Интервью

«Расскажите, как ваши успехи?
Сколько будет на круг намотот?» -
Мужику микрофон для потехи
Чуть не в самую рожу сует.

Тот скребет по щеке по небритой,
Нагловатым смущен москвичом.
Застеснялся: «Об чем говорить-то?
Говорить-то не знаю об чем...»

«Как сумеете - так и скажите».
И нашелся мужик, так и быть!
«Намототим достаточно жита.
Чтобы вас, болтунов, прокормить».

Про любовь

Пиджак протертый залатаю,
Одену лучшую рубашку.
Перед тобою, золотая,
Раскрою душу нараспашку.

Уж если так тебе угодно,
Я свитер выброшу привычный.
Приобрету я галстук модный,
И буду выглядеть прилично.

Но если с кем-то ты за баксы
В любовной тешишься истоме,
Я подарю тот галстук Максу,
Псу, что живет давно уж в доме.

На душу вновь замок повешу,
Опять напялю старый свитер.
И я пошлю тебе депешу,
В депеше напишу: «Иди ты!»

* * *

Я не рожден баскетболистом,
И это - не моя вина,
Но жизнь моя под небом мглистым
Была вина не лишена.

А это тоже ведь неплохо,
Когда в подпитии слегка
И шар земной и всю эпоху
Несешь, как мяч тугой, в руках!

* * *

Молодой и франтоватый
Я иду себе куда-то,
А за мною тень моя -
Кривонога и горбата.
Неужели это я?!!
Полно! Это тень моя!...

Диоген

Приходит день,
И старый Диоген,
Едва исчезнет утра хмарь,
Из бочки вылезает.
Свой фонарь
Заученным движением берет
И медленно по улицам бредет.
Глазами шарит из-под красных век:
Не встретится ль случайно человек?
...Прошли века, но если б Диоген
Вдруг снова ожил в наш прекрасный день,
И не один, а два бы фонаря
Взял в руки, снова зря
Ходил бы он по улицам. Подлей
Какого хочешь масла ты в фонарь,
Но как и прежде, так же как и встарь,
Не видно человека... Лишь подлей
И гаже с каждым веком человек.
...Не надо мучить воспаленных век,
Чудак-философ. Хватит, наплевать.
Уж лучше в бочке беспробудно спать...

Папарацци

Мастер всяческих сенсаций,
Нет ему нигде преград.
Змей Горыныч - папарацци,
Дьявол сам ему не брат.

Не учи папаню драться,
Папа знает в деле толк.
Знает дело папарацци,
Папарацци - ас и волк.

Ну, а волка, как известно,
Ноги кормят, дорогой.
То ли в позе интересной,
То с Альфонсом, то нагой

На актрису, на принцессу
Аппарат наводит свой.
Папарацци, как известно,
Это парень с головой.

Вездесущий папарацци
На закрытый женский пляж
Может запросто пробраться,
Их профессия - шантаж.

Папарацци может, братцы,
Снять интимнейший процесс.
Затесаться б в папарацци,
Только нет у нас принцесс.

Вор

Ловко выломал фрамугу вор,
Кошелек деньгами туго вор
Поднабил. В концерте фугу вор
Сладко слушает. Интригу вор
Закрутил с дешевой женщиной.
Сам себе он вынес приговор.
Срок свободы сам уменьшил он.
Кушал сдобную ковригу вор,
А теперь ест с маком фигу вор.

Не тот

Всю ночь не спит наш замполит.
Какая проза! -
У замполита зуб болит,
Распухла рожа.

Едва дождавшись до утра.
Скорей к дантисту,
А в кресло сев, сказал:
«Ура! Вперед, танкисты!»

Щипцами зуб схватил дантист
И вырвал сразу.
«О, божья мать! - взревел танкист, -
Не тот, зараза!»

Куда ж нам плыть?

И вот пришел он, век компьютерный,
Как наказание вездесущее,
А на душе тоскливо, муторно
От поголовного бездушия.

На языке у поколения
Дисплеи, сайты да процессоры.
Программ всесильных покорение -
Мечта бандита и профессора.

Ушло далече человечество
От манускриптов и папирусов.
Он, как безумие, не лечится
Продукт компьютерного вируса.

Так чьи-то представления ложные
Затмили, что веками добыто.
Теперь мы вечные заложники
Поработителей и роботов.

В права вступает век компьютерный,
А мне бы выругаться матерно.
Так на душе тоскливо, муторно.
Куда ж нам плыть, коль нет фарватера?

Бессонница

Уж время полночь давно,
Луна уставилась в окно,
И желтой жижей комната залита.
Я никакой не инвалид,
Но сердце старое болит
Еще почище, чем у инвалида.

Клубятся мысли в голове,
И не одна, а целых две,
Между собою спор ведут извечный
На тему - быть или не быть,
И как же лучше поступить,
Чтоб поступить не античеловечно.

Уж скоро три часа утра,
А в голове все та ж мура,
И все никак уснуть не удастся.
Давно уж спряталась луна.
Храпит без задних ног жена,
И мышь за холодильником скребется.

* * *

Полночь. Тихо в городишке.
Ты без дела не кружи.
Если выпил малость лишку,
У забора полежи.

Полупьяные шалавы
Бродят в темени дворов.
Их не трогать лучше, право,
Так оттянут - будь здоров!

Хорошо дремать, поверьте,
У забора, в тишине.
Наяву, во сне ли - черти
Померещатся вдруг мне.

Вот они расселись кругом
В желтом свете фонаря.
Зазывают: «Будь нам другом!
Что лежать без дела, зря?»

С перебранкою, с азартом
Враз конов по сорока
Режусь я с чертями в карты
В подкидного дурака...

Виденье

Виденье славы было мне во сне,
Что будто бы богат я баснословно,
Что еду я на белом на коне,
И я - не я, а триумфатор словно.

Вот предо мной чугунные врата.
И с башнями высокая ограда.
Хоть дверь во град надежно заперта,
Но мне уже несут ключи от града.

Ушами прядает мой верный Буцефал,
И вот уже ворота открывают.
И вот я стражников привратных миновал,
И в древний град не торопясь вступаю.

Неизъяснимо сладок славы миг,
Как сладок миг успеха и победы!

Печать величия легла на светлый лик.
А я все еду, я все дальше еду.

Оркестр встречает музыкой меня.
Народ вокруг меня кричит ликуя.
Я сдерживаю сытого коня.
Кто мог бы предсказать судьбу такую?

Сверкает на главе моей венец.
Бегут от кайфа по спине мурашки,
И тут я просыпаюсь, наконец,
На старенькой, скрипучей Чебурашке.

Средь сбитых, на пол сползших одеял,
Средь темени, средь тишины глубокой.
Куда-то ускакал мой Буцефал,
Виденье славы унеслось далеко...